



DOI: 10.25178/nit.2023.4.11

Статья

Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков)

Владимир В. Воробьев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Флюза Г. Фаткуллина

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация



В статье на материале фразеологических и паремиологических единиц описывается фрагмент языковой картины мира русского и тувинского народов, связанный с представлениями о пространстве; выявляются особенности мировидения и мировосприятия данных этносов на основе анализа указанных единиц как знаков «языка» культуры. Определяются культурно-значимые смыслы в семантике исследуемых единиц с учетом их образного содержания.

Лингвокультурологическое описание исследуемого кода строится на выделении следующей культурно-значимой информации: соотношении пространственного кода с кодом культуры, выявлении механизмов, сходств и различий формирования и функционирования данного кода культуры.

Особое внимание уделено семантическим оппозициям (моделям) свой/чужой, верх/низ, близко/далеко, которые являются универсалиями в обоих языках и имеют различный потенциал при лингвокультурном и образном представлении пространственных отношений.

Ключевые слова: лингвокультурология; пространственный код культуры; русский язык; тувинский язык; фразеологическая единица; паремия



Статья подготовлена в рамках проекта «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).



Для цитирования:

Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 153-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

Воробьев Владимир Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117513, г. Москва, Миклухо-Маклая, 10. Эл. адрес: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru



Фаткуллина Флюза Габдуллиновна — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: fluzarus@rambler.ru

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru



Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages)

Vladimir V. Vorobyev

RUDN University, Russian Federation,

Fluza G. Fatkullina

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article delves into a specific segment of the linguistic worldview shared by the Russian and Tuvan ethnic groups. This exploration centers on the analysis of phraseological and paremiological units that are intricately linked to the concept of space. The study meticulously discerns the distinct mental frameworks and perceptual paradigms prevalent in these ethnic groups. This discernment is facilitated through a meticulous examination of these linguistic units, viewed as symbolic representations embedded within the cultural language. The research endeavor is focused on unearthing culturally significant meanings inherent in the semantics of the scrutinized units, while taking into account their nuanced figurative connotations.

The linguocultural analysis of the examined linguistic code is constructed upon the identification of culturally significant information. This involves establishing correlations between the spatial code and the broader cultural code. The study meticulously dissects the mechanisms, resemblances, and disparities underpinning the formation and operation of this specific cultural code.

Emphasis is placed on exploring semantic oppositions, or models, such as own/foreign, up/down, and near/far. These oppositions, which prove to be universal across both languages, harbor diverse potentials in the linguocultural and figurative representation of spatial relationships.

Keywords: linguoculturology; spatial code of culture; Russian language; Tuvan language; phraseological unit; proverb

Financing:

The article was prepared within the framework of the project "Linguistic and cultural study of the communicative reality of modern Russia" (Program of Strategic Academic Leadership of RUDN University "Priority-2030").

For citation:

Vorobyev V. V., Fatkullina F. G. and Kuzhuget Sh. Yu. Lingvokul'turologicheskoe opisanie prostranstvennogo koda kul'tury (na materiale russkogo i tuvinskogo iazykov) [Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 153-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>



VOROBYEV, Vladimir Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of the Russian Language and Cultural Linguistics, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10, Miclukho-Maklay, Moscow, Russia, 117513. Email: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5906-3773



FATKULLINA, Fluza Gabdullinovna, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Comparative Philology, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: Russia, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32. Email: fluzarus@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8711-2993

KUZHUGET, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-3053



Введение

На современном уровне развития языкознания проблема репрезентации культуры, рассматриваемая в семиотическом и культурологическом аспектах, остается одной из самых значимых. При этом особую актуальность приобретает исследование понятия «код культуры». Под кодом культуры в отечественном языкознании понимается совокупность представлений о картине мира того или иного этноса, определенный способ отражения, описания действительности, а также соотношение семиотической (вторичной) системы с системой естественного языка, элементы (знаки) которой заключают в себе некую символику (Телия, 1999: 20; Красных, 2003: 297; Изотова, 2020: 125; Сибирцева, 2016: 157–158). Следовательно, *культурный код* содержит закодированную в какой-либо форме уникальную культурную информацию и, в отличие от *концепта*, ментального образования, отражающего процесс познания мира и результат человеческой деятельности, а также *категории*, набора языковых единиц, наделенных общим признаком или свойством, является своеобразным ключом к пониманию этноспецифических особенностей, менталитета, ценностных ориентаций этноса, передающихся от поколения к поколению, или, по словам Г. Д. Гачева, «космо-психо-логоса» (Гачев, 1995). Таким образом, кодом является совокупность знаков и правил, согласно которым информация хранится и передается.

А исследуемый в данной статье пространственный код, как вторичная семиотическая система, структурирует (членит) пространство, отражая объективную действительность и является универсальным понятием в любой лингвокультуре, а, как справедливо замечает Ч. К. Ламажаа, «знания каждой культуры безусловно имеют много универсальных категорий и смыслов, которые и позволяют говорить об общности и родстве культур» (Ламажаа, 2023: 13).

Согласно В. Г. Красных, «к глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. К числу таких оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции “верх — низ”, “далеко — близко”, “хорошо — плохо”, “свой — чужой”, “много — мало”, “право — лево»» (Красных, 2003: 297).

Вопросы восприятия и постижения окружающей действительности тесно связаны с проблемами взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры, которые лежат в основе лингвокультурологии и были заложены еще в работах В. фон Гумбольдта и его последователей: А. А. Потемни, Й. Л. Вайсгербера, Н. И. Толстого (Гумбольдт, 1984; Потемня, 1999; Вайсгербер, 2004; Толстой, 1995) и др. Предпосылки возникновения этого раздела языкознания также некоторые ученые находят в знаменитой гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира — Б. Л. Уорфа (Сепир, 2003; Whorf, 1941), предполагающей, что структура языка определяет образ человеческого мышления и влияет на восприятие и постижение окружающей реальности, то есть «характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект»¹.

Отметим, что исследованию категории пространства, его пониманию и отражению в различных науках, а также проблемам культурно-исторической изменчивости знаний о пространстве посвящены монографии, учебные пособия и множество научных статей. Поскольку пространственный код культуры относится к базовым (Красных, 2003), то исследования его основных характеристик направлены на актуализацию следующих проблем: общая характеристика пространственного кода в системе кодов культуры, а также дефиниции термина в научной литературе (Красных, 2003; Пименова, 2006; Ковшова, 2013; Царева, 2017; Sakaeva, Yahin, et al., 2017); пространственный код в языковой художественной картине мира²; метафорическая репрезентация пространства как кода культуры (Самигуллина, 2007; Поречная, 2021).

В тувинском языкознании исследуемая проблема достаточно широко обсуждается в самых различных аспектах: к примеру, проблемам отражения и специфического восприятия пространства и времени посвящено исследование В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009); пространственный образ Тувы детально рассмотрен Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым (Попков, Тюгашев, 2019); сеть как онлайн-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 597.

² Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира : на материале художественной прозы И. С. Тургенева : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа. 2012. 49 с.



пространство для функционирования социальной культуры этноса на примере тувинцев исследована в работе Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2021a).

Отметим также, что отдельные исследователи тувинской культуры при рассмотрении особенностей восприятия и отражения пространства *чер* 'землю' (и его вариант *төрээн чер* 'родная земля') называют его важнейшим концептом культуры. Так, его значения и аспекты анализируются по текстам пословиц и поговорок из разных сборников Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2023); в тувинской художественной литературе — Ш. Ю. Кужугет (Кужугет, 2023); в музыкально-песенной культуре тувинцев — Ч. Х. Санчай (Санчай, 2023); в представлениях современных тувинцев — Ш. Б. Майны (Майны, 2023). Отметим также работу, посвященную анализу именных лексем с пространственной семантикой в тексте героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», где особое место занимают такие элементы ландшафта, как *горы, реки, степи, тайга* (Ондар, 2016).

Рассмотрение данной проблематики приобретает ещё большую актуальность в том случае, когда он проводится на материале разных генетически и типологически далеких языков. Подобные исследования позволяют выявить как общие (кросскультурные), так и этноспецифические особенности восприятия и образной интерпретации данного кода носителями разных языков. Сравнительное исследование одной из фундаментальных категорий бытия — пространства, как одного из компонентов культурного кода, обуславливает необходимость всестороннего изучения пространственного кода как лингвистического и культурного феномена, который ранее не становился объектом лингвокультурологического анализа на материале разнотипных — русского и тувинского — языков, что обуславливает новизну и значимость данной работы.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ пространственного кода в русской и тувинской лингвокультурах; выявление сходств и различий в мировидении и мировосприятии данных этносов на основе анализа лексико-фразеологических единиц как кодов культуры, функционирование и интерпретация которых напрямую зависят от опыта и культурной адаптивности языкового сознания представителей исследуемых лингвокультур.

Материалом для данной работы служат фразеологические единицы, пословицы и поговорки русского и тувинского языков. Отбор языкового материала осуществлялся с использованием фундаментальных и современных печатных и электронных толковых, этимологических, фразеологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок¹.

В предлагаемом исследовании использован лингвокультурологический метод при выявлении этнокультурной специфики изучаемых единиц и особенностей восприятия пространства представителями изучаемых лингвокультур; методы контрастивной и когнитивной лингвистики; репрезентация кодов культуры рассматривалась в семиотическом и культурологическом аспектах, а метод семантического анализа применялся при рассмотрении фразеологических единиц.

Репрезентация пространственного кода в русской и тувинской лингвокультурах

Исследуемый пространственный код универсален по своей природе, однако его проявления и «удельный вес» (Красных, 2003: 5) в русской и тувинской лингвокультурах, с также метафоры, в которых они воплощаются, этнокультурно детерминированы.

В русском языковом сознании пространство представлено как нечто бескрайнее, раздольное, беспредельное, не имеющее четких границ, т. е. основным свойством русского пространства можно

¹ Источники по русскому языку: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1987; Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля / авт.-сост. Даль В. И. М.: Рус. яз. Медиа, 2004; источники по тувинскому языку: Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966; Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976; Толковый словарь тувинского языка. Т. I: А–Й / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.



назвать его неохватность, широту, открытость¹, что, безусловно, связано с географическим положением России, ее необъятными просторами (Никагосян, Фаткуллина, 2022; Khayrullina et al., 2017). В русской культуре именно пространство, как отмечают исследователи, сформировало представление о родине и наложило отпечаток на психологический портрет русских, что подтверждается прежде всего эмоциональным, зрительным восприятием ими пространства: («*Ширь русской земли и ширь русской души...*» (Н. А. Бердяев), «*Широка страна моя родная*» (В. И. Лебедев-Кумач), «*О Русь, малиновое поле*» (С. Есенин) и др.) Не случайно, в русском языке активно функционирует множество языковых единиц с семантикой пространства: *простор, ширь, раздолье, приволье, воля; бескрайний, безбрежный (простор); разгуляться, разойтись (о душе), вырваться на волю* и т. п.). Следовательно, пространство для русского человека — одна из основных ценностей, а слова *пространство* и *простор* являются лингвоспецифичными и формируют русскую языковую картину мира.

«В пространственных метафорах отражаются в русском языке важнейшие фрагменты картины мира: *жизнь, смерть, судьба, общество* с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики» (Ермакова, 2000: 289). К примеру, в русском языке частотны метафоры *река жизни, житейское море*, где жизнь человека сравнивается с течением, плаванием, рекой или морем.

Простор в русской культуре — это не только бескрайняя даль, ширь, приволье и раздолье, это, по Н. А. Бердяеву, место, где «легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно» (Бердяев, 2007: 339). Особенности русской ментальности запечатлены в таких лингвоспецифичных словах, как *широта* (широта русской души), *тоска, воля и удаль*, которые «как бы несут на себе печать «русских пространств» (Логический анализ... 2000: 359).

Слово *пространство* — старославянское, «образовано с помощью суффикса -ьство (-ство) от *пространьи* “широкий, просторный”»². Берет начало «от глагола *простереть* — ‘разостлать, протянуть’ и индоевропейского корня *ster (stor)* — ‘расширять, распространять’»³.

Во фразеологии и паремииологии русского языка отражено, прежде всего, физическое (географическое) пространство и отношение человека к нему: *Родной край — сердцу рай*⁴; *Где кто родится, там и пригодится*⁵ и др.

В тюрко-монгольском культурном мире, частью которого является тувинская культура, пространство воспринимается носителями языка как замкнутая сфера или окружность, в центре которого находится *дом, семья, родные, близкие*. Творение мира у тюрков Южной Сибири понимается как начало времени и пространства, и время вообще трактовалось как бесконечная череда начал (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 17).

Представления тувинцев о пространстве обусловлены как физическими условиями их проживания, так и мифологическим мировоззрением. Для представителей данной лингвокультуры пространство — это, прежде всего, земля (*чер*) и родная земля (*төрээн чер*), которая в языковом сознании этноса понимается как «свои земли, которых у людей бывает несколько. Это связано с жизненным циклом: место рождения, место проживания, место упокоения ... “Свое” пространство, своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие, к этому родному месту тувинец (сельчанин или горожанин) испытывает устойчивые положительные чувства, сильную привязанность» (Майны, 2023: 38). Отметим, также, что у тувинцев распространены традиционные эмоциональные представления о сакральности, святости родной земли, об особом отношении к ней и соблюдении заповеди предков.

Пространство в тувинской культуре изначально связано с местом внутри самой юрты и вокруг юрты. Как отмечает знаток тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, «юрта сравнима с Чеди-Хааном — Большой медведицей, потому что юрта не стоит на одном месте в течение четырех времен года, а кочует с одной стоянки на другую. Форма земли, на которой стоит юрта — круглая и соответствует

¹ Словарь русского языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1985. С. 540.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. С. 370.

³ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1961. С. 206.

⁴ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. С. 474.

⁵ Там же. С. 400.



двенадцати годам или строению часов» (Кенин-Лопсан, 2006: 34). Пространство вокруг юрты «в виде гор, сопков, урочищ, степей, рек, озёр было символом родной земли — *төрээн чер* (малой родины), её сакральным центром, местом поклонения и почитания» (Чистик, 2010: 151).

Пространство — это также и расстояние, мир вокруг человека, при котором он может созерцать предметы, людей, и т. п. Не случайно, в тувинском языке распространен фразеологизм *карак четпес чер* (букв. 'место, куда не достиг взгляд (глаз)' в значении бескрайнего и недоступного пространства (Ооржак, Хертек, 2016: 276).

А главная характеристика тувинского пространственного кода — наличие исходного центра, который располагается в месте проживания семьи — в юрте, и затем имеет определенную круглую форму вплоть до представления о местах, недоступных взгляду. Например: *Төрел багы аал чуду, Төл багы өз чуду* 'Недружно родня живет — аалу всему позор, Ребенок дурным вырастет — тебе да семье позор'¹, *Ады арт ажа бээр, Сураа суг кеже бээр* 'Слава его перевал перейдет, Слух о нем реку переплывет'², *Куш оглу каяа-даа ужар, Кижги төлү каяа-даа чоруур* 'Оперится орленок — всюду полетает, Подрастет ребенок — всюду побывает'³.

Понимание пространства и места человека в нем нашло отражение и в языковой системе, особенно во фразеологии. В пословицах и поговорках тувинского языка отражено понимание пространства с представлениями о семье, с самым близким и родным кругом людей и поэтому юрта (*өг*) в тувинской лингвокультуре имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья. Это нечто соединяющее их с жизнью предков, старших родственников, родной культурой и родными местами (Өвүс. Возвращение ... , 2022: 5). Например: *Будуктуг ыяшка куш чыгыр, буянныг өгге чон чыгыр* 'На ветвистом дереве птицы гнездятся, в доброй юрте народ собирается'⁴.

Отметим также, что пространство и пространственные значения могут в русском и тувинском языках быть описаны при помощи разных языковых средств:

— лексем — *мир, простор, поле, даль / чамбы-дип* 'мир, вселенная', *чер-дээр* 'земля-небо', *каптагай* 'вселенная';

— метафор — *край света / чер дуву* 'глушь, край света', букв. 'дно земли';

— фразеологизмов — *Лежать на сердце / Чүрээ аарыыр*⁵ 'поступать крайне легкомысленно', букв. 'болеть' (о сердце);

— пословиц и поговорок — *В поле за ветром не уgonишься / Хорадааш хову кежер эвес, ажынгаи арт ажар эвес*⁶ 'Вспыльчивый степь не пройдет, сердитый перевал не осилит' и под.

В русском языке для описания пространства нередко употребляются предлоги *в, к, на, над, между* и др., а в тувинском языке выделяется особая система пространственных падежей: местный падеж выражает значение места (*арга-да турар* 'стоит в лесу'), исходный падеж — исходный пункт, начальную точку движения и перемещения (*бажың-дан үнген* 'вышел из дома'), дательный — конечную точку движения и перемещения (*садыг-га чедер* 'дойти до магазина'), направительный падеж — направление движения и перемещения (*суг-же баар* 'пойти к реке') (Ооржак, Хертек, 2016: 277).

Таким образом, главной характеристикой русского пространственного кода являются пространство и его неохватность, необъятность, приволье, понятие родины, места, где вольно дышится, что нашло отражение в специфике восприятия и образного представления изучаемого кода культуры в картине мира носителей русского языка. Для тувинской лингвокультуры, так же, как и для русской, характерен прежде всего эмоциональный характер отношения к пространству.

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 50.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 43.

⁴ Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. С. 42.

⁵ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 191.

⁶ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 38.



Семантическая оппозиция свой/чужой

Как справедливо указывает Ю. М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (свое) пространство и внешнее (их)» (Лотман, 1996: 175–176).

Для образного представления пространственного кода в обоих языках активно используются фразеологизмы, которые мы рассматриваем в системе семантических оппозиций (моделей).

В первую очередь рассмотрим, как представлена семантическая оппозиция (пространственная модель) *свой/чужой* в русской и тувинской языковых картинах мира, поскольку она является наиболее частотной и соотносится с древнейшими архетипами сознания исследуемых этносов. Данный архетип свойственен всей русской культуре и является основным, базовым свойством национального мироощущения и мировосприятия. «Свое» — это “мы”, “мой народ” (Степанов, 1997: 472–487), это пространство, отграниченное от остального мира, где живут «свои», «близкие». В русской культуре пространство четко делилось на «свое» и «чужое, чужеземное», которое и сформировало представление о «родине» и отразилось в менталитете представителя русского этноса. Н. Бердяев отмечает, что: «Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. <...> И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека» (Бердяев, 2007: 340).

Следовательно, для русской лингвокультуры пространственная модель мира — это система представлений о мире, имеющая определенные границы, разделяющие (чужое пространство) и объединяющие (обжитое, свое, освоенное пространство).

Как известно, человеку свойственно переносить опыт восприятия пространства на «абстракции ментального мира, что способствует образованию новых субъективно ориентированных смыслов за счет подключения механизма метафоризации, свойственного человеческому мышлению в целом» (Самигуллина, 2007: 87). Поэтому не случайно, пространство воспринимается как некий объем, контейнер с различными объектами, в котором происходят какие-либо жизненные события, процессы и явления. В данном случае для репрезентации пространственного кода в сравниваемых языках по большей части используются антропоморфные метафоры, которые свидетельствуют о членении пространства.

При рассмотрении исследуемой оппозиции мы опираемся на классификацию В. В. Красных, которая структурируется следующим образом: 1) «внутренний мир человека (телесные границы); 2) личное пространство человека; 3) внешний мир, находящийся за пределами личной зоны, но свой, родной; 4) внешний, чужой, враждебный мир» (Красных, 2003: 300). Этническая картина мира в данном случае определяется как осмысление окружающей действительности человеком, места и статуса человека в этом мире.

Наиболее частотными при описании внутреннего мира являются фразеологизмы с соматизмами *сердце* и *душа* (локус чувств и эмоций) и *голова* как локус мыслей (там же: 300).

Примеры реализации семантической оппозиции свой/чужой в анализируемых языках (таб. 1–4).

Таблица 1. Внутренний мир человека

Table 1. The inner world of man

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Открывать сердце	Чүрээн бээр ¹ ‘крепко любить, по уши любить’, букв. ‘отдать свое сердце кому-либо’	довериться, крепко любить

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 204 с.



<i>Брать за сердце</i>	<i>Чүрээн тудар</i> ¹ ‘пленить, овладеть чьим-либо сердцем’, букв. ‘ <i>брат за сердце</i> ’; <i>чүрээ аарыыр</i> ² поступать крайне легкомысленно’, букв. ‘болеть’ (о сердце)	волновать, производить сильное впечатление
<i>Душа нараспашку</i>	<i>Арны чазык</i> ³ ‘радушный’, букв. ‘лицо открытое’	быть добрым, отзывчивым
<i>Душа в пятки ушла</i>	<i>Чүрээ уштуна бер чазар</i> ⁴ ‘перепугаться до смерти’, букв. ‘сердце чуть не выскакивает’, <i>Аксында чүректиг</i> ⁵ ‘трусливый как заяц’, букв. ‘с сердцем во рту’, <i>Баш куйгазы адыр</i> ⁶ ‘сильно испугаться’, букв. ‘волосы становятся дыбом’	струсить
<i>Вылететь из головы</i>	<i>Баштан үнер</i> ⁷ ‘быть совсем забытым’, букв. ‘вылететь из головы’	забыть
<i>Висеть над головой</i>	<i>Бажы-биле харыылаар</i> ⁸ букв. ‘отвечать головой’	нуждаться в неотложном выполнении

Таблица 2. Личное пространство

Table 2. Personal space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Наложить лапу</i>	<i>Кадыг холга кирер</i> ⁹ ‘быть присвоенным кем-либо’, букв. ‘попасть в тяжелые руки’	присвоить
<i>Держать в кулаке</i>	<i>Бажын билдирер</i> ¹⁰ ‘беспрекословно подчиняться кому-либо’, букв. ‘дать управлять своей головой’	полностью подчиняться (кому-л.)
<i>Прижать к ногтю</i>	<i>Кудуруунга куу тос баглаар</i> ¹¹ ‘выгонять, исключить’, букв. ‘привязывать к его хвосту серую бересту’	ограничивать свободу

Личное пространство представлено фразеологизмами со значением ‘наличие/отсутствие свободы’.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 204 с.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. С. 408.

⁷ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 66.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 114.



Таблица 3. Внешний мир
Table 3. The outside world

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Кость от кости	—	Родной, свой
На короткой ноге	Төрел-дөргүл тыртар ¹ 'исходить из родственных отношений', букв. 'тянуть родственников'	дружить
Плоть и кровь	Аразындан суг акпас ² 'очень близкие', букв. 'между ними и вода не протечет'	родной
Родимое гнездо	—	отчий дом

Внешний мир за пределами личной зоны представлен единицами со значением *близкий, родной, дружественный*.

Таблица 4. Внешний, чуждый, враждебный мир
Table 4. External, alien, hostile world

Русский язык	Тувинский язык	Значение
На чужом горбу в рай вьехать	Бажын дуурайлаар ³ 'обмануть кого-либо', букв. 'голову его дурачить'	достичь цели, используя кого-либо в своих интересах
Отправиться на тот свет	Амы-тынын бээр ⁴ 'свою жизнь отдать', Бажын оскунар ⁵ букв. 'ронять свою голову', Сөөгүн салыр ⁶ 'умирать', букв. 'положить кость', Кижин холундан баар ⁷ 'быть убитым кем-либо', букв. 'уйти с руки человека'	умереть

Фрагмент *внешнего, чуждого, враждебного* мира репрезентирован фразеологическими единицами негативной коннотации. Как показывает материал, в русской культуре пространственные отношения в пределах семантической оппозиции *свой/чужой* переносятся на описание внутреннего мира человека, его образа жизни, характеристики его деятельности (таб. 1-4), что связано со стереотипными представлениями о «русском человеке как о широкой, масштабной, бесшабашной натуре, для “реализации” внутреннего пространства которой необходима широта пространства внешнего» (Захаренко, 2013: 20). Фразеологизмы в представленной оппозиции выступают в функции образца передвижения человека в пространстве под воздействием безрассудного порыва собственных эмоций и желаний.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 157.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. II: К-С. С. 125.



В русской лингвокультуре для выражения понятия *свое*, *родное* используется слово *родина*, которое человек слышит с пеленок, и которое является тоже своеобразным кодом культуры. *Родина* — это и *род*, и *семья*, и *дом*, и *страна*, не случайно слова *род*, *народ*, *родители* имеют один корень: *Родная сторона* — *мать*, *чужая* — *мачеха*; *На родной стороне даже дым сладок*; *Одна мать родна и Родина одна*¹.

В тувинской лингвокультуре «свое» пространство осмысливается как место, как мы уже указывали, где живут его родные, к этому месту человек испытывает сильную привязанность (Кужугет, 2023: 67). К примеру, в «Русско-тувинском словаре» дается следующий перевод слова *төрээн* ‘родной’: 1. [*Кады*] *төрээн*; *төрээн иези* ‘родная мать’; родной брат *кады төрээн акызы*; родная страна *төрээн чурт*, 2. в знач. сущ. мн. *төрелдер*; у него много родных *ооң төрелдери хөй*, 3. (свой) бодунуң, *төрээн*; родная земля *бодунуң чери*; родной язык *төрээн дыл*, 4. (дорогой, милый — в обращении) *эргимим, сарыым*².

Исследуемый архетип нашел отражение во множестве пословиц и поговорок тувинского языка, посвященных семье и родственным связям:

— *Аң түрээнде турлаам дээр, кижги түрээнде төрелим дээр* ‘Зверь в беде в тайге мчится, человек к беде к родне тянется’³;

— *Өскен чери — төрээн ие, өскелерниң — соңгу ие* ‘Родная земля — мать, Чужая земля — мачеха’⁴.

Как показал материал, многие фразеологические единицы, соотносимые с пространственным кодом культуры, имеют в языках сравнения эквиваленты, совпадающие по значению, эмоциональной окраске, стилистической принадлежности, что свидетельствует о том, что архетипическая модель *свой/чужой* тесно связана с древнейшими формами осознания и восприятия мира в обоих лингвокультурах.

Семантическая оппозиция *близко / далеко*

Как мы уже указывали, универсальные культурные коды основываются на ряде семантических оппозиций. Одной из универсальных оппозиций пространственного кода для русский и тувинской лингвокультур является также оппозиция *далеко/близко*, на основе которой моделируются несколько типов пространств, которые представлены в *таблицах 5-8*.

Таблица 5. Ближайшее пространство

Table 5. Nearest space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Жить под одной крышей</i>	<i>Думчук кырында</i> ⁵ ‘очень близко, на носу’, букв. ‘наверху носа’	близость в пространстве
<i>Под носом</i>	<i>Думчуунуң аксын көөр</i> ⁶ ‘думать только о себе’, букв. ‘смотреть на кончик носа’	
<i>Рукой подать</i>		
<i>Нос к носу</i>		
<i>Глаза в глаза</i>		
<i>Ухо в ухо</i>		
<i>Ноздря в ноздрю</i>		
<i>Плечом к плечу</i>		

¹ 112 самых патриотичных пословиц о родине [Электронный ресурс] // Академия «Мульти Мама». URL: <https://multi-mama.ru/poslovicy-o-rodine> (дата обращения: 05.06.2023).

² Русско-тувинский словарь / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 1980. С. 511.

³ Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. С. 44.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 45.

⁵ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 78.

⁶ Там же. С. 79.



<i>Черт знает где</i>	<i>Чоокка чованчыг, Бракка ыянчыг</i> ¹ ‘дальним слышно, ближним стыдно’	удаленность, очень далеко, неизвестно где
<i>У черта на куличках/рогах</i>		
<i>За тридевять земель</i>	<i>Чер дүвү</i> ² ‘даль, край света’, <i>Чер чери</i> ³ ‘очень отдаленное место, захолустье, даль’	
<i>Не ступала нога человека</i>	<i>Кижиги буду баспаан</i> ⁴ ‘с нетронутой природой’, букв. ‘не ступала нога человека’	

Ближайшее пространство репрезентируется семами близости и неудаленности.

Таблица 6. Временное пространство

Table 6. Time space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Когда рак на горе свистнет</i>	<i>Даартагы чагдан Бөгүнгү өкпе дээр</i> ⁵ ‘лучше нынче осердия пожевать, чем до завтра отборного мяса ждать’, букв. ‘лучше завтрашнего жира — сегодняшние легкие’	неопределенность
<i>Время летит</i>	<i>Үе кээрге, адыр чок, Үер кээрге, чай чок</i> ⁶ ‘время движется — зря пресловишь, воду полюю не остановишь’, букв. ‘когда время придет, не отстанет, когда разлив придет — времени нет’	о быстротечности и нехватке времени
<i>Идти в ногу со временем</i>	—	придерживаться современных взглядов

Временное пространство может быть эксплицировано линейно или циклически.

Таблица 7. Пространство родственных связей

Table 7. The space of kinship relationships

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Кровь от крови</i>	<i>Баарының өдү болган</i> ⁷ ‘любимый’, букв. ‘ставший желчью его печени’	родной ребенок
<i>Под одной крышей</i>	—	семья

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 41.

² Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 185.

³ Там же. С. 186.

⁴ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 2003. Т. I: А–Й. С. 321.

⁵ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 67.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь... С. 50.



<i>Десятая вода на киселе</i>	<i>Аас-биле төрелдер</i> ‘только на словах родственники’	отдаленный (номинальный) родственник
<i>Отрезанный ломоть</i>	—	отделение от семьи

Пространство родственных связей в большинстве случаев представлено фразеологизмами со значением кровного родства.

Таблица 8. Социальное пространство
Table 8. Social space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Возвысить до небес, подняться до небес</i>	<i>Дээрже үндүрер</i> ¹ ‘сильно, чрезмерно расхваливать’, букв. ‘поднимать в небеса’	Непомерно расхваливать, восхвалять; добиться значительного (большого) успеха
<i>Далеко пойти (высоко подняться); пойти в гору</i>	—	добиться успеха (чаще иронически); сделать карьеру
<i>Быть в хвосте</i>	<i>Кудуруун мунар</i> ² ‘струсить’, букв. ‘оседлать свой хвост’	быть в числе неудачников

К данной семантической оппозиции можно также отнести фразеологизмы со значением «успех» и «неудача, поражение» хотя для русской лингвокультуры она является не столь актуальной, тем не менее активно используемой в речи.

Как показывает материал, некоторые фразеологизмы в сравниваемых языках в социальном и этническом значениях приобретают семантику оппозиции «свой — чужой»: *близкий человек, близкая родня, дальняя родня / Аас-биле төрелдер* (таб. 5-8) и др.

В обоих языках большинство фразеологизмов со значением ‘ближайшее пространство’ соизмеряется с частями тела человека (*нос, плечо, глаза, ухо / думчук (нос), бут (нога)*), т. е. соматический код в данном случае накладывается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека об удаленности.

В тувинском языке словосочетание *төрел бөлүк* (родственные группы) выражает общее название тувинцев, которые в трактовке Ч. К. Ламажаа должно определяться как название родственных групп (не родоплеменных) (см.: Ламажаа, 2021b). Есть также разные варианты: *төрел-аймак* ‘родственники по одному роду’, *ха-төрел* ‘родня по старшему брату’, *чурт-төрел* ‘родственники по одной родине’, *сөөк төрел* ‘букв. родственники по кости’, *хан төрел* ‘родственники по крови’, *чоок төрел* ‘близкий родственник’, *ырак төрел* ‘дальний родственник’ и т. д. (Кужугет и др., 2019: 151).

В целом, в обоих лингвокультурах единицы, представленные в оппозиции *близко/ далеко* выражают отношения близости-удаленности (*нос к носу, черт знает где / Думчук кырында*), характеризуют перемещение на далекие расстояния (*на край света*), обозначают кровное родство (*кровь от крови / Баарының өдү болган*), взаимоотношения в социуме (*возвыситься дог небес / Дээрже үндүрер*) и под.

В русской лингвокультуре встречаются единицы, которые содержат в своей семантике несколько значений. Например, в русском языке фразеологизм *За семь верст киселя хлебать* помимо значения удаленности содержит также сему ‘попусту’, а во фразеологизме *Сто вёрст до небес и всё лесом* явно прослеживается значение ‘долгий, трудный путь’.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 86.

² Там же. С. 114.



Отметим также, что в русском языке наибольшее количество метафор для выражения данной семантической оппозиции образовано с помощью наречия *далеко*: *далеко пойти, далеко хватил, далеко пойдет, далеко ходить не надо* и под., что не характерно для тувинского языка.

Таким образом, семантическая оппозиция *далеко / близко* является также одной из определяющей в иерархической структуре пространства, т. к. выступает реализацией понятия *простирается*, отражающего наивное чувственно-осозаемое представление, связанное с языковой памятью, выраженной в образной структуре фразеологизмов.

Семантическая оппозиция *верх/низ*

Структура и основные признаки данной семантической оппозиции были детально рассмотрены Дж. Лакоффом на материале ориентационных метафор (Лакофф, Джонсон, 2004). В основе модели лежит противопоставление: хорошо-плохо, здоровье-смерть, власть-подчинение и под.

В наивном мировосприятии пространственные отношения выражались через противопоставления возвышенного (верх) и приземленного (низ), поэтому для данной семантической модели актуально представление и осмысление пространства «внизу» со смертью, отсутствием здоровья, лишением жизни, неудачей и т. п., а расположение «вверху» с успехом, карьерным ростом, удачей, здоровьем, выздоровлением.

Примеры реализации семантической оппозиции *верх/низ* в анализируемых языках (см. таб. 9).

Таблица 9. Метафорическая бинарная оппозиция *верх / низ*

Table 9. Metaphorical binary opposition *top/bottom*

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Витать в облаках	<i>Бажының мээзи сарыг суглаар</i> ¹ ‘глупеть, терять разум’, букв. ‘в его мозгу образуется сыворотка’, <i>Бажы курттуг</i> ² ‘несообразительный, рассеянный’, букв. ‘с червивой головой’	быть невнимательным, глупеть
Подняться до небес	<i>Мойну чооннаар</i> ³ ‘стать высокомерным, зазнавшимся’, букв. ‘шея удлинилась’	возвыситься
Свести в могилу	<i>Бажы ыжар</i> ⁴ букв. ‘голова его распухнет’ <i>Думчукка тулар</i> ⁵ ‘попасть в безвыходное положение’, букв. ‘в носу застревать’	довести до отчаяния
Идти на дно	<i>Бажын халайтыр</i> ⁶ ‘грустить, вешать голову’, <i>Сагыжы караи дээр</i> ⁷ ‘рухнуть’ (о надеждах), букв. ‘мечта рухнула, почернела’	терпеть неудачи, разориться
Валиться с ног	<i>Ишти тынныг</i> ⁸ ‘еле живой’, <i>Хол-бут бажында</i> ⁹ ‘в крайне тяжелом состоянии (находиться), на волоске от смерти’, букв. ‘в конце рук и ног’	болеть
Пустить на дно	<i>Бажынга суг кудар</i> ¹⁰ ‘навлекать беду’, букв. ‘лить воду на свою голову’	разорить

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 57.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 173.

¹⁰ Там же. С. 59.



Данная оппозиция представлена фразеологизмами с оценочными компонентами «верх — хорошо / низ — плохо».

Принято считать, что традиционное восприятие пространства в русской культуре связано с понятиями горизонтали, где находится мир людей, и двух направлений вертикали — верх — 'небесный мир' (царствие небесное) и низ — 'подземный мир'.

Для тувинской лингвокультуры понятие пространства «основано на представлениях о множественности миров. В традиционном мировоззрении тувинцев Вселенная (*Октаргай*, *Оран-делегей*) состоит из трех миров: Верхнего (*Устуу оран*), Среднего (*Ортаа оран*) и Нижнего (*Алдыы оран*) или Небесного (*Курбусту ораны* или *Кудай*, Земного (*Чер*) Подземного (*Эрлик ораны*).

Для представителей тувинской лингвокультуры характерно восприятие «верха» (неба) как мира, где живут небожители (*азарлар* — мифол. 'железные небесные сыновья'). А «внизу» (в подземном мире) обитает *Эрлик* 'бог смерти'. Отметим также, что тувинцы «с Небом связывают мужское начало, с Землей — женское (*«Дээр — адам, Чер — ием» («Небо — отец мой, Земля — мать моя»)* (Самдан, 2018: 502).

Как показал материал, понятие «верха» в данной семиотической оппозиции наделено символическими признаками «хороший», «благополучный», «жизненный», а «низ» — признаками «плохой», «неблагополучный», «смертельный». Расположение «вверху» на фразеологическом уровне для обеих лингвокультур метафорически ассоциировано с такими понятиями как: «подниматься вверх» — *подняться вверх* (по служебной лестнице), *идти в гору*; «находиться в положении выше обычного» — *витать в облаках, на верху блаженства / Мойну чооннаар*. Восприятие «низа», эксплицирующее образные воплощения указанной семиотической оппозиции, представлены следующими типами: «опускаться вниз» — *идти на дно, опускать руки / Бажын халайтыр, Сагыжы караи дээр*; «заболеть, умереть» — *валиться с ног, на краю могилы (находиться) / Хол-бут бажында*.

Таким образом, проанализированный материал продемонстрировал, как интерпретируются ассоциативно-образные основания фразеологизмов и метафор в пространственном культурном коде. Выявлено, что образное основание фразеологизмов, построенное на оппозиции **верх / низ**, является семиотически значимым и коррелирует с оценочными компонентами «верх — хорошо / низ — плохо».

Заключение

Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры как самостоятельного лингвокультурного явления, а также выявление способов его репрезентации в русском и тувинском языках демонстрируют культурную динамику и её отражение в языке — дефиниция культурного пространственного кода объединяет не просто «классическое определение кода культуры (В. В. Красных, М. В. Пименова, Д. В. Гудков), но и, как показывает сопоставление семиотических оппозиций *близко/далеко, свой/чужой, верх/низ*, также метафоризацию как один из значимых когнитивных механизмов.

Сопоставительный лингвокультурологический и когнитивный анализ фразеологизмов и пространственных метафор показал, что семантические модели (опозиции) являются инструментом вербальной визуализации пространства и пространственных отношений, в основе которых лежит метафорический перенос, т. е. образное представление человека о пространстве через призму знаний о мироустройстве, соотносимое с архетипами сознания.

Основной операцией при репрезентации пространственного культурного кода является метафоризация, а пространственная метафора — приоритетной метафорической моделью для носителей различных языков. Особенности традиционных культур позволили выявить представления о членении пространства, его свойствах, характеристиках, а также об отношении человека к пространственным параметрам, которые аккумулируются в обобщенно-переносном значении языковых единиц.

Сравнение семиотических оппозиций с опорой на лингвокультурологический подход демонстрирует, что сходства и различия в мировидении и мировосприятии, а также способы выражения пространства в русской и тувинской лингвокультурах объяснимы физическими условиями проживания, мифологическим мировоззрением и особенностями образного представления пространства представителями исследуемых лингвокультур. Большая часть метафорических образов с пространственной семантикой в сравниваемых лингвокультурах образуют оппозиции *близко/далеко, свой/чужой, верх/низ*, в которых пространственные отношения напрямую переносятся на различные



сферы жизни человека: межличностные отношения, проблемы внутреннего мира, отношения с родственниками и т. п., связанное с тем, что в процессе освоения, 'окультуривания' окружающего мира, человек «примеряет» эти знания к самому себе, поэтому мы наблюдаем «наложение» кодов культуры друг на друга. *Свое* пространство в обеих лингвокультурах неразрывно связано с родиной, родными, местом проживания; понятие «верха» в семиотической оппозиции *вер/низ* наделено символическими признаками «хороший», «жизненный», а «низа» — признаками «плохой», «смертельный».

Лингвокультурные различия обусловлены также особенностями мировосприятия и осмысления пространства: для представителей русской лингвокультуры характерно восприятие пространства как бескрайних просторов, раздолья, не имеющего четких границ. А главная характеристика тувинского пространственного кода — сакральное, обжитое место, центр которого традиционно ассоциируется с родным стойбищем, юртой, родиной, родной землей. Именно такое восприятие пространства сформировало представление о «родине» и наложило отпечаток на психологический портрет россиян и тувинцев. Русский человек воспринимает и осмысливает пространство прежде всего зрительно, эмоционально, чувственно-осязуемо, т. е. для русского человека на первом месте стоит любовь к пространству, раздолью, а для тувинцев главным является любовь к людям, близким, родным, а потом к местам, где они живут.

Следовательно, пространственный код культуры является универсальным по своей природе, но по-разному реализуется в каждой из сравниваемых лингвокультур. А языковые единицы (лексемы, фразеологизмы, пословицы, поговорки и под.) являются, по словам В. В. Красных, «национально детерминированными» (Красных, 2003: 298) конкретной культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (2007) Судьба России. М. : ЭКСМО. 251 с.
- Вайсгербер, Й. Л. (2004) Родной язык и формирование духа. М. : УРСС. 229 с.
- Гумбольдт, В. фон. (1984) Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 451 с.
- Ермакова, О. П. (2000) Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры. 448 с. С. 289–299.
- Захаренко, И. В. (2013) Архетипическая оппозиция «свой — чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / редкол. М. Л. Ковшова и др. М. : МАКС Пресс. 144 с. С. 15–31.
- Изотова, Н. Н. (2020) Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. Т. 10. № 1. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.016>
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Красных, В. В. (2003) «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис». 375 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живём. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Логический анализ языка. Языки пространств (2000) / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М. : Языки русской культуры. 448 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о *чөр* 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>



Никогосян, А. А., Фаткуллина, Ф. Г. (2022) Теоретические проблемы изучения и классификации культурных кодов в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. Т. 27. № 3. С. 661–664.

Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2–2 (56). С. 129–134.

Ооржак, Б. Ч., Хертек, А. Б. (2016) Выражение категорий пространства и времени в тувинском языке // Мир науки, культуры и образования. № 1(65). С. 276–279.

Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Поречная, В. И. (2021) Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 10. № 4(37). С. 317–321.

Потебня, А. А. (1999) Мысль и язык. М. : Лабиринт. 300 с.

Самдан, З. Б. (2018) Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир культуры, науки и образования. № 6 (73). С. 501–504.

Самигуллина, А. С. (2007) Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. № 1. С. 82–87.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сепир Э. (1993) Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс. 656 с.

Симбирцева, Н. А. (2016) «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 157–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2009. №№ 1–2. С. 250–267.

Телия, В. Н. (1999) Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры. 336 с. С. 13–24.

Толстой, Н. И. (1995) Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М. : Издательство «Индрик». 512 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Khayrullina, R., Saghitova, A., Fatkullina, F., Morozkina, E., Suleimanova, A., Vorobev, V.V. (2017) Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures // Man in India. Vol. 97 (14). P. 17–26.

Sakaeva, L., Yahin, M., Bagautdinova, G., Fatkullina, F., Kenzhetayeva, G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kумык // Revista QUID. Special Issue. P. 680–684.

Whorf, D. L. (1941) The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. Sapir Memorial Publication Fund Menasha, Wisconsin, USA. 92 p.

Дата поступления: 07.07.2023 г.

Дата принятия: 25.09.2023 г.

REFERENCES

- Berdiaev, N. A. (2007) *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]*. Moscow, EKSMO. 251 p. (In Russ.).
- Vaisgerber, I. L. (2004) *Rodnoi iazyk i formirovanie dukkha [Native language and the formation of the spirit]*. Moscow, URSS. 229 p. (In Russ.).
- Gumbol'dt, V. fon. (1984) *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected works on linguistics]*. Moscow, Progress. 451 p. (In Russ.).



Ermakova, O. P. (2000) Prostranstvennye metafory v russkom iazyke [Spatial metaphors in Russian]. In: *Logicheskii analiz iazyka: Iazyki prostranstv [Logical analysis of language: Languages of spaces]* / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. Pp. 289–299. (In Russ.).

Zakharenko, I. V. (2013) Arkhetipicheskaia oppozitsiia «svoi — chuzhoi» v prostranstvennom kode kul'tury [Arche-typal opposition of “friend and foe” in the spatial code of culture]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]*: collection of articles / editorial board: M. L. Kovshova et al. Moscow, MAKS Press. 144 p. Pp. 15–31. (In Russ.).

Izotova, N. N. (2020) Kul'turnyi kod: semioticheskii aspekt [Cultural code: semiotic aspect]. In: *Culture and Civilization*, vol. 10, no. 1, pp. 122–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.016>

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2003) «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“One's own” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow, ITDGG «Gnozis». 375 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Iu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V., Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovoii kartine mira tuvintsev [The concept of törel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Otnoshenie tuvintsev k zemle v tuvinskoi literature XX–XXI vv. [Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Lakoff, G. and Johnsen, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]*. Moscow, Editorial URSS. 256 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologii i podderzhanie rodstva [The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation [Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv [Logical analysis of the language. Languages of spaces] (2000) / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysl'ashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2023) Predstavleniia o cher 'zemle' sovremennykh tuvintsev [Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Nikogosian, A. A. and Fatkullina, F. G. (2022) Teoreticheskie problemy izucheniia i klassifikatsii kul'turnykh kodov v sovremennom iazykoznanii [Theoretical problems of studying and classification of cultural codes in modern language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 27, no. 3, pp. 661–664. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei») [Reflection of the category of space in the Tuvan language: the case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei” heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).

Oorzhak, B. Ch. and Khertek, A. B. (2016) Vyrashchenie kategorii prostranstva i vremeni v tuvinskom iazyke [Expression of the categories of space and time in the Tuvan language]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 1(65), pp. 276–279. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Oovus. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v ob'ektive sotsiokul'turnoi fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>



- Porechnaia, V. I. (2021) Prostranstvennyi kod kul'tury kak lingvokul'turnoe poniatie [Spatial culture code as a linguocultural concept]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 10, no. 4(37), pp. 317–321. (In Russ.).
- Potebnia, A. A. (1999) *Mysl' i iazyk [Thought and language]*. Moscow, Labirint. 300 p. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (2018) Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoj mifologii [Symbolism of time and space in Tuvan mythology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (73), pp. 501–504. (In Russ.).
- Samigullina, A. S. (2007) Prostranstvennyi kod kul'tury i ego smyslovye proektsii [The spatial code of culture and its semantic projections]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie*, no. 1, pp. 82–87. (In Russ.).
- Sanchay, Ch. Kh. (2023) Obrazy rodnoi zemli v muzykal'no-pesennoi kul'ture tuvintsev [Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>
- Sepir E. (1993) *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]*: transl. from Engl., ed. by A. E. Kibrik. Moscow, Izdatel'skaia gruppa «Progress»; Univers. 656 p. (In Russ.).
- Simbirtseva, N. A. (2016) «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaia kategoriiia ['Culture code' as a category of culturology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 157–167. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Suzukei, V. Yu. (2009) Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Space and time in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).
- Teliia, V. N. (1999) Pervoocerednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: *Frazeologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the context of culture]* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. 336 p. Pp. 13–24. (In Russ.).
- Tolstoi, N. I. (1995) *Yazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoj mifologii i etnolingvistike [Language and Folk Culture: Essays on Slavic mythology and Ethnolinguistics]*. 2nd ed. Moscow, Indrik. 512 p. (In Russ.).
- Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world]* (1988) / ed. by L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M. and Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka. 226 p. (In Russ.).
- Chistik, Zh. K. (2010) *Ekologicheskaja kul'tura tuvinskogo etnosa [Ecological culture of the Tuvan ethnic group]* / ed. by S. S. Kurbatskaia. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 176 p. (In Russ.).
- Khayrullina, R., Saghitova, A., Fatkullina, F., Morozkina, E., Suleimanova, A., Vorobev, V. V. (2017) Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures // *Man in India*. Vol. 97 (14). P. 17–26.
- Sakaeva, L., Yahin, M., Bagautdinova, G., Fatkullina, F. and Kenzhetayeva, G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kumyk. *Revista QUID*. Special Issue, pp. 680–684.
- Whorf, D. L. (1941) *The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language*. Sapir Memorial Publication Fund Menasha, Wisconsin, USA. 92 p.

Submission date: 07.07.2023.

Acceptance date: 25.09.2023.